

КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ.

БЫЛИНЫ

ОБЪ АЛЕШЪ ПОПОВИЧЪ

И О ТОМЪ, КАКЪ НЕ ОСТАЛОСЬ НА РУСИ БОГАТЫРЕЙ.

Изъ Сборника

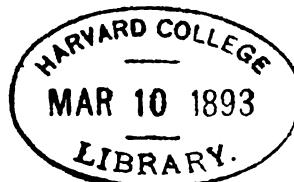
Николая Дашиевича.

 КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (Л. И. ЗАВАДСКАГО).

1883.

27222.46

Denny fund.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1883 г.
Печатано по опредѣленію Совета Университета св. Владимира.

10th M

Оттиснуто 200 (для III-го тома „Чтений въ Историческомъ Обществѣ Нестора хѣтописца“) +
75 (отд.) экземпляровъ.

Ich wünsche ein Beispiel vorzulegen von der Art und Weise, wie Sagen in der Volksphantasie entstehen, wie die grossen epischen Stoffe sich ausbilden und gestalten.

W. Scherer („Ueber das Nibelungenlied“ въ „Preussische Jahrbücher“).

Къ вопросу о происхождении русскихъ былинъ.—Былины обь Алексѣ Пономарѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси.

(Читано въ годичномъ собрании Исторического Общества Нестора лѣтописца 20 марта 1883 года).

Историческое Общество, празднующее нынѣ десятую годовщину своей дѣятельности, носить имя почившаго въ здѣшней Печерской обители инока, которому преданіе изстари усвояетъ составленіе лѣтописи первыхъ временъ Русской земли. Кто бы ни былъ ея составитель, —удалившись отъ мѣра, онъ сохранялъ горячій интересъ къ судьбамъ родной земли и запестъ въ свою „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ все, что узналъ о старинѣ, не только изъ книгъ и старыхъ записей, но и отъ людей, хранившихъ преданія о ней въ своей памяти. Быть можетъ, онъ слышалъ и пѣсни о „старомъ Владимірѣ“, о „старомъ Ярославѣ, храбромъ Мстиславѣ“ и мн. др. Такія пѣсни несомнѣнно были у насъ въ началѣ XII-го столѣтія. Подъ вліяніемъ крупныхъ военныхъ столкновеній двухъ или нѣсколькихъ народностей, развивается обыкновенно героическая поэзія. Она является лучшимъ достояніемъ эпохи энтузіазма и героизма и вмѣстѣ наивности и широкаго воображенія. Вѣка постоянныхъ столкновеній съ кочевниками, наступавшими съ востока и юга, вѣка храбрости, удальства и кипучаго молодечества должны были вызвать и у насъ, какъ повсюду, пышный раззвѣтъ быловой поэзіи.

Съ той поры у насъ не умолкала историческая народная пѣсня. Она откликалась на всѣ важнѣйшия события нашей исторической жизни. Сохраняя постоянно сказанія о времени нашей народной

юности, о дняхъ Владимира Краснаго Солнышка, поминая въ лицѣ богатырей тѣхъ „храбрыхъ“, которые грудью стояли за русскую землю и охраняли ее отъ Печенѣговъ, Половцевъ и затѣмъ легли костями въ тяжелую годину татарскаго нашествія, наша народная эпика присоединяла и примѣняла къ этому начальному повѣствованію воспоминанія о временахъ позднѣйшихъ, о татарскомъ лихолѣтїи, о Грозномъ царѣ, о смутномъ времени, о подвигахъ южнорусскаго козачества въ борьбѣ съ татарами, о незгодахъ, пережитыхъ южной Русью, о великомъ преобразователѣ Россіи и т. д.

Такъ составилось довольно полное повѣствованіе о судьбахъ нашей земли, доселе живущее въ памяти народа,—лѣтопись, какой не можетъ похвалиться никакая другая нація: ни у какого другого народа нѣть эпики, которая совмѣщала бы въ живой передачѣ всѣ важнѣйшіе моменты народной жизни, начиная съ основанія національного государства, которая помнила бы всѣ главнѣйшія события столькихъ вѣковъ многострадальной народной и государственной жизни.

Въ день празднованія годовщины Общества, названнаго по имени, славному въ исторіи нашего отечественаго лѣтоиспанія, мнѣ показалось не совсѣмъ неумѣстнымъ занять ваше вниманіе, м. гг., пѣсколькими соображеніями о происхожденіи этой живой пѣсенной лѣтописи нашего народа. Она возникла здѣсь, на югѣ, и восходитъ своимъ началомъ ко времени, предшествовавшему Нестору. Она въ значительной степени повторяла на сказанія первого лѣтоисца и не уступаетъ ему въ величавомъ изображеніи нашей древней жизни, озаренной поэтическимъ свѣтомъ народнаго самосознанія. Устная лѣтопись, по своему общенародному значенію, не ниже книжной. Послѣдняя содѣйствовала храненію и распространенію повѣствованій о старинѣ, болѣе или менѣе соотвѣтствовавшихъ дѣйствительности; лѣтопись же народная, вѣсколько возвеличивъ прошлое, поддерживала тѣмъ въ нѣкоторой степени крѣпость народнаго духа въ настоящемъ. Начальная лѣтопись передавала правду жизни, лѣтопись бытевая выражала вмѣсть съ тѣмъ правду творчества и нравственнаго міровоззрѣнія.

Въ частностяхъ сказаній о времени минувшемъ, какія хранились въ своей памяти народъ, онъ, естественно, не могъ строго придерживаться дѣйствительности. Это обстоятельство и послужило причиной появленія взглядовъ на происхожденіе нашего бытеваго эпоса, которые страдали односторонностью и умаляли его значеніе.

Подъ вліяніемъ п'ямецкой пауки о старинѣ и пародности, и въ нашихъ былинахъ вздумали отыскивать отголоски далевої индо-европейской старины и полагали начало и основу нашего былеваго эпоса въ преданіяхъ, относящихся еще къ до-исторической эпохѣ совмѣстной жизни арійскихъ пародовъ. Такимъ образомъ, первенствующее значение въ нашихъ былинахъ приписали древнимъ миѳическимъ вѣровапіямъ. Самыми видными представителями этой теоріи были Ф. И. Буслаевъ и О. Ф. Миллеръ¹⁾, нѣсколько умѣрившие крайности ея по выходѣ надѣлавшихъ столь много шуму статей г. Стасова, впавшаго въ противоположную крайность²⁾.

Г. Стасовъ былъ первый изъ тѣхъ, которые предположили, что сказанія нашихъ былинъ были запесены къ намъ въ позднѣйшее время и развились преимущественно подъ вліяніемъ чуждаго намъ эпоса. Сторонники такого мнѣнія, понятно, должны были допустить въ нашемъ быловомъ эпосѣ гораздо менѣе самостоятельности, чѣмъ сколько ея есть на самомъ дѣлѣ, и предположить, что напему народу принадлежало только пріуроченіе заимствованыхъ разсказовъ къ нѣкоторымъ именамъ нашей исторіи, да нѣсколько народная раскраска и распространеніе частностей.

Ошибки г. Стасова были скоро замѣчены, и изслѣдователи, запавшіе послѣ него нашимъ былевымъ эпосомъ, обнаружили болѣе осторожности въ своихъ заключеніяхъ.

Вместо татарскаго эпоса предположили иную основу для нашихъ былевыхъ п'ясенъ. Огь востока обратились къ югу и отчасти къ западу³⁾. Замѣтивъ сходство отдельныхъ эпизодовъ нашего эпоса

¹⁾ Къ цимъ присоединился известный изслѣдователь славянской миѳологии Аѳанасьевъ.

²⁾ Въ послѣднемъ изложеніи своего взгляда въ статьѣ о былинахъ, помѣщенной въ „Исторіи русской словесности“ Галахова, О. Ф. Миллеръ отступилъ нѣсколько отъ прежнихъ своихъ возврѣній на частности вопроса.

³⁾ Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1876 г. мы встрѣтили заявленіе Александра Никол. Веселовскаго, что онъ готовить монографію о „западныхъ отношеніяхъ русскихъ былинъ“. Нѣкоторые изъ фактовъ западнаго вліянія на нашу былевую поэзію освѣтила монографія И. Н. Жданова: „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“, Кіевъ 1881.

со сказаниями византійскими и южно-славянскими, предположили, что на создание его повлияли эти послѣднія¹⁾). Теперь начинаются все болѣе и болѣе заниматься выясненіемъ книжной стихіи нашего эпоса, и теорія позднѣйшаго литературнаго воздействиія становится модной²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обращаютъ вниманіе на такъ наз. странствующіе мотивы и цѣлые разсказы, которые встрѣчаются въ народной словесности и въ отражающихъ ея вліяніе литературныхъ памятникахъ многихъ народовъ и которые вошли въ обаліи и въ нашъ эпосъ³⁾.

Наконецъ, раздаются голоса въ защиту исторической содержанія нашихъ былинъ, стараются отстоять ихъ историческую основу, выдѣгая преимущественно исторические элементы ихъ повѣствованій.

¹⁾ Въ нашей ученой литературѣ начало такого рода разысканій было положено статьею А. Н. Веселовскаго: „Отрывки византійского эпоса въ русскомъ“, помещеною въ апрыльской книжѣ „Вѣстника Европы“ 1875 г.; здѣсь указанъ византійскій сюжетъ народныхъ пѣсенъ объ Аникѣ воинѣ. Проф. И. В. Ягичъ, по поводу эпитета „красное солнышко“, прилагаемаго въ нашихъ былинахъ ко Владиміру, указалъ на употребленіе подобнаго эпитета въ средневѣковой Византійской поэзіи. Arch f. slav. Philol., I Bd. S. 159—160.

²⁾ В. Ф. Миллеръ видитъ отголоски сказаний объ Александрѣ въ былинахъ о Волхѣ Всеславьевичѣ (Ж. М. Н. Пр. 1877, № 10, стр. 126 и д.). Въ статьѣ „Отголоски Александри въ болгаро-русскихъ былинахъ“ В. Ф. Миллеръ „старался показать, что нашъ Вольга—перелицовка Александра, что его походъ въ Инію Богатую есть походъ Александра и что наша былина представляетъ такой рядъ совпаденій съ извѣстными чертами Александри“, которая устраниются, на взглядъ г. Миллера, мысль „о ея независимомъ происхожденіи и національно-русской основѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1878, № 12, стр. 261). Въ статьѣ „По поводу Трояна и Бояна, „Слова о полку Игоревѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1878, № 12) г. Миллеръ старается „свести на книжный сюжетъ типъ еще одного quasi-національнаго богатыря, именно Микулушки Селяниновича. Онъ сводить „чешскаго Премысла и русскаго Микулу Селяниновича къ классическому типу пахаря и будущаго царя Гордіаса“ (стр. 261—267).

³⁾ Одною изъ первыхъ монографій въ этомъ направленіи была статья А. Н. Веселовскаго „Объ одномъ эпизодѣ въ былинахъ о Святогорѣ“ (Филологич. Записки 1876, вып. VI). См., далѣе, книгу Волльнера: „Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen“, Leipzig 1878.

Л. Н. Майковъ указалъ на то, что въ былинахъ „встрѣчаются лица, относимыя по лѣтописямъ къ X, XI, XII и XIII вѣкамъ“, и что многія былины подтверждаются лѣтописями. Трудъ г. Майкова былъ нѣсколько восполненъ работами другихъ ученыхъ. Н. И. Костомаровъ подвергъ обстоятельному анализу преданія начальной лѣтописи и видѣть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отголоски былевыхъ пѣсенъ. Г. Квашнинъ-Самаринъ въ рядѣ статей пытался отмѣтить всѣ исторіческія данія, отражающіяся въ былинахъ. По поводу одного изъ его мнѣній была написана замѣтка объ Ильѣ Муромцѣ покойнымъ Максимовичемъ. Разбирая диссертацію О. Ф. Миллера въ 1871 г., Ф. И. Буслаевъ постарался „сильнѣе прикрѣпить русскій эпосъ къ родной старинѣ и къ его родной землѣ“.

Къ исторической точкѣ зрѣнія склоняется повидимому проф. И. В. Ягичъ въ своей монографіи о народной славянской исторической поэзіи¹⁾. Онъ коснулся здѣсь выдающихся былинныхъ героевъ и вѣнебольшомъ очеркѣ представилъ весьма удачно исторію постепенного развитія сказаний о нихъ.

Но историческая теорія имѣеть, кажется, меѳѣ всего сторонниковъ. Историки (напр., Д. И. Иловайскій), продолжаютъ отрицать историческую основу былинъ, нѣкоторые совсѣмъ отвергаютъ самобытное происхожденіе нашего былеваго эпоса, и даже покойный И. И. Срезневскій выразился: „че нахожу силы настаивать ни на древности былинъ, прославляющихъ богатырей русскихъ, ни на древности богатырей этихъ былинъ“²⁾.

Среди такого разнобразія мнѣній теряется иногда отчетливое представленіе о томъ процессѣ, какимъ возникли наши былины. Самыи изслѣдователи, подъ преобладающимъ вліяніемъ той или иной точки зрѣнія, не всегда соблюдаютъ надлежащую мѣру. Тѣмъ легче читатель, лишенный полнаго знакомства съ научными методами изслѣдованія, можетъ впасть въ преувеличеніе, усвоить односторонній взглядъ и

¹⁾ Gradja za historiju slovinske narodne poezije, prvi dio: Historijska svjedočanstva o pjevanju i piesničtva slovinskih naroda. U Zagrebu 1876. Русский переводъ помѣщенъ Задерацкимъ въ изданной имъ третьей книжкѣ „Славянского Ежегодника“ (Кievъ 1878).

²⁾ Филологическая Записки 1873 г., вып. I, Ученые Извѣстія, стр. 23—24.

примкнуть къ тому или другому объяснению по преимуществу, между тѣмъ какъ не слѣдуетъ забывать, что каждый изъ этихъ методовъ можетъ имѣть значеніе не для всего эпоса, но только для частностей его; къ объясненію былинъ приложимы всѣ теоріи относительно сходныхъ мотивовъ въ эпосѣ различныхъ народовъ. Отдельные частные изслѣдованія отодвигаютъ въ большинствѣ случаевъ на второе мѣсто основной вопросъ о методѣ изслѣдованія былинъ, хотя въ тоже время высказаны весьма цѣнныя замѣчанія о частныхъ сторонахъ общаго вопроса учеными, разрабатывавшими нашъ эпосъ, въ особенности А. Н. Веселовскимъ, О. Ф. Миллеромъ, Ф. И. Буслаевымъ, И. В. Ягичемъ, А. И. Кирпичниковымъ, И. Н. Ждановымъ.

Труды этихъ ученыхъ настолько уже выяснили исторію нашего былеваго эпоса, что можно теперь поставить рядъ общихъ замѣчаній и приступить къ стройному возсозданію послѣдовательного развитія этого эпоса.

Я рѣшился предложить нѣсколько такихъ общихъ наблюденій и постараюсь затѣмъ подтвердить ихъ разъясненіемъ возникновенія нѣкоторыхъ былинъ. Подобранные мною примѣры, сдается мнѣ, покажутъ, что нашъ былевой эпосъ хранить въ обиліи несомнѣнно живыя историческія воспоминанія, но только они переданы въ духѣ, отличающемся въ большей или меньшей степени всякую народную эпіку.

Сплазъ различныхъ стихій въ былинахъ не даетъ права на одностороннія заключенія, на преувеличеніе значенія заимствованій, которыми переполнены будто бы наши былины.

Все знаніе и искусство подчиняются закону припомнанія; вся умственная жизнь человѣчества слагается изъ воспоминаній и впечатлѣній. Не можетъ быть и рѣчи о полной оригинальности. Всякое произведеніе умственной дѣятельности коренится въ ближайшемъ прошломъ, за которымъ тянутся цѣлые ряды вѣковъ: оно заключаетъ въ себѣ частности, возникшія въ разное время. Всякое произведеніе, при внимательномъ разборѣ, оказывается сплавомъ, и автору его принадлежитъ преимущественно распорядокъ данныхъ, добытыхъ или переданныхъ другими, объединеніе ихъ и претвореніе, при чемъ бываетъ возможно и творчество—не только въ формѣ, но и въ идеяхъ, движение ихъ впередъ. Современная наука признала въ поэзіи постоянное повтореніе извѣстныхъ мотивовъ, и заимствованіе таковыхъ уже не ставится въ укоръ поэтическимъ геніямъ. Поэтические замыслы и

произведенія первостепенныхъ поэтовъ, Данте, Шекспира, Мольера, Гёте (Фаустъ) имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ бродячія сказаний, но это не уменьшаетъ цѣны созданій этихъ поэтовъ; мы признаемъ оригинальность ихъ таланта и полное значеніе ихъ твореній.

Туже справедливость должно соблюдать и въ отношеніи въ произведеніямъ народной словесности.

Они отличаются отъ литературы искусственной, между прочимъ, темъ, что различные отдѣльные мотивы подвергаются въ нихъ иной разъ не совсѣмъ строго логическому спложенію, и соединеніе ихъ бываетъ не такъ продумано, не столь необходимо обусловлено, какъ въ произведеніяхъ индивидуального творчества. Народное творчество лишено первѣко сознательного единства и полноты. Сліяніе различныхъ стихій происходитъ въ силу особыхъ наклонностей народнаго ума и особенностей народнаго міросозерцанія.

Зерно всякаго былеваго эпоса—историческая сказанія. Если не все, то большая часть былинъ возникаютъ непосредственно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ известныхъ событий. Вспомнимъ относящейся сюда тезисъ Миклошича: „всякая героическая пѣсня, въ своихъ главныхъ чертахъ, современна воспѣваемому событию¹⁾“. Но, по общему закону народнаго творчества, историческая истина не можетъ уцѣлѣть въ чистотѣ въ былевомъ эпосѣ и подвергается переработкѣ, причемъ важное значеніе имѣеть та среда, въ которой вращается эпосъ. Оттуда возвеличеніе крестьянства въ нашемъ былевомъ эпосѣ въ лицѣ Ильи и дочерей Микулы Селяниновича. Въ сильной степени на осложненіе первоначального содержанія историческихъ пѣсень вліяютъ сложившіеся традиціонныес мотивы народнаго творчества, какъ оказываются вліяніе установившіеся приемы и на литературное творчество. Вырабатываются частности, которые становятся какъ бы материаломъ, красками и общими мѣстами народнаго творчества. Далѣе, историческое содержаніе подпадаетъ вліянію всего содержанія народнаго міросозерцанія; въ эпосѣ народъ сосредоточиваетъ и хранить всѣ свои свѣдѣнія, это кладовая народныхъ знаній, въ которой находитъ мѣсто всякой новой добыткѣ народнаго ума и фантазіи. Позднѣйшія инозем-

---

¹⁾ Въ западномъ эпосѣ есть много примѣровъ подобного возникновенія былевыхъ пѣсень.

ная сказанія, перейдутъ ли они путемъ устной передачи, или изъ книгъ, вростаютъ въ народный былевой эпосъ и содѣйствуютъ, съ одной стороны, изукрашенію исторической истины, а съ другой иска-женію ея. При этомъ видное значеніе имѣеть чисто вѣшняя ассоціація, иной разъ совершенно, на первый взглядъ, случайная. Въ дан-ную пѣсню вносятся элементы другихъ, къ извѣстной личности прі-урочиваются повѣствованія, передававшіяся обѣ иныхъ¹⁾, сводятся разсказы, относившіеся первоначально къ различнымъ эпохамъ, по закону развитія эпическихъ цикловъ²⁾. Къ доисторической эпохѣ мо-гутъ восходить только отдѣльные частности, но никакъ не былевыя сказанія въ ихъ цѣломъ, или даже въ цѣльныхъ отдѣлахъ. Необхо-димо помнить, что народныя сказанія не пребываютъ въ неизмѣнномъ состояніи, но постоянно терпятъ передѣлку и примѣненіе, первобыт-ныя повѣствованія раздробляются и, наоборотъ, отдѣльные частности ихъ сливаются въ новыя построенія. Первобытныхъ миѳовъ мы не встрѣ-тиимъ у народовъ, у которыхъ начинаетъ развиваться былевой эпосъ.

Таковы стихіи, которыя сливаются обыкновенно въ былевомъ эпосѣ. Для правильнаго пониманія послѣдняго необходимо тщательно разграничивать ихъ и выдѣлять различные элементы смѣси. О. Ф. Миллеръ первый указалъ вполнѣ отчетливо на необходимость такого выдѣленія³⁾. Послѣ того наша научная литература обогатилась цѣ-лымъ рядомъ превосходныхъ попытокъ анализа различныхъ наслоеній нашихъ былинъ.

¹⁾ Къ имени Вольги, напр., весьма легко могли привязаться позднѣе мотивы Александрии.

²⁾ Въ русскомъ былевомъ эпосѣ такую смѣсь признаетъ Д. И. Ило-вайскій. Исторія Россіи, ч. I, стр. 79.

³⁾ Заслуга книги О. Ф. Миллера „Илья Муромецъ и богатырство Киевское“ заключается, да же, въ богатомъ накопленіи данныхъ для сравненія и въ выясненіи отличій духа нашего былеваго эпоса по сравненію съ эпическими сказаніями другихъ народовъ. Н. А. Лавровскій также отмѣтилъ необходи-мость „точного и научно доказательного выдѣленія многочисленныхъ на-слоеній въ нашихъ былинахъ и такового же ихъ объясненія“ (стр. 237 статьи его „Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ“, помѣщенной въ „Из-вѣстіяхъ Историко-филологического Института князя Безбородко въ Нѣ-жинѣ“ за 1877 г.).

При такомъ выдѣлениі составныхъ частей былеваго эпоса, не должно упускать изъ виду исторической основы, которая, конечно, могла нерѣдко совсѣмъ затемняться и почти исчезать. Напротивъ, должно начинать именно съ нея¹⁾). Слѣдуетъ при этомъ помнить, что первоначально возникали былины, воспѣвавшія отдѣльныхъ лицъ или отдѣльные событія. Подобныя пѣсенные прославленія князей, отличавшихся подвигами военнаго мужества, были несомнѣнно въ обычай въ древней Руси, какъ были они и на Западѣ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ встрѣчаемъ указаніе на „пѣсни старымъ княземъ“, свидѣтельствующее о процвѣтаніи исторической эпики. Неизвѣстно только, насколько общенародной была эта эпика. Восхвалялись не только князья, но и витязи²⁾). То было время богатырства. Подвиги „храбрыхъ“ отмѣчаются даже лѣтописи³⁾; тѣмъ болѣе должна была помнить ихъ былева пѣсня. И у насъ, какъ въ Германіи, выработалось понятіе воинской чести, которая добывалась одновременно со славою для князя. Пріобрѣтенная честь могла воздаваться и въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ въ средѣ дружинниковъ⁴⁾.

Былевой эпосъ долженъ быть состоять изъ пѣсентъ двоякаго рода; о подвигахъ отдѣльныхъ витязей и объ общихъ предпріятіяхъ.

¹⁾ Совершенно справедливо замѣтилъ А. И. Кирпичниковъ (Поэмы Ломбардскаго цикла, Москва 1873 г., стр. 88), что „при разборѣ таѣ называемаго историческаго эпоса, къ какой бы школѣ ни принадлежалъ исследователь, онъ не можетъ игнорировать фактовъ и собственныхъ имѣнь“.

²⁾ О происхожденіи этого слова, которое было извѣстно Адаму Бременскому, см. соображенія въ ст. г. Великанова, помѣщенной въ „Филологическихъ Запискахъ“ 1880 г. Ср. мнѣніе Миклошича (Die Fremdwörter).

³⁾ Въ Никоновской лѣтописи уже подъ 1148 г. упоминается *богатырь* Демьянъ Куденевичъ (П. с. р. л. IX, 177—178); къ сожалѣнію, упоминаніе это поздне; соображенія о немъ см. въ „Исторіи Сѣверской Земли“ Багалѣя (Кievъ 1882), стр. 209. Я не касаюсь здѣсь другихъ общеизвѣстныхъ упоминаній Никоновской лѣтописи о богатыряхъ Владимира и эпическихъ сказаній начальной лѣтописи.

⁴⁾ Ср. мыста „*Nibelungenlied*“ объ єре съ нѣкоторыми выраженіями „Слова о полку Игоревѣ“, Бояна съ Фолькеромъ, который въ изданіи Барча (стр. 196) названъ „der starke spileman, Volkêr der herre“, а въ изданіи Царнке (4 Aufl., s. 30) „Volker der künsc der starke videlacre“.